

Главная площадь Дарсиды была набита людьми. Солнце сияло прямо над городом, но народ не заботился об укрытии в этот жаркий летний день. По заверениям Шам Аза такого ажиотажа среди жителей не было уже с полсотни лет. Собравшимся приходилось подниматься на крыши близлежащих домов, чтобы хоть как-то увидеть площадку перед храмом, на которой должны были выступить правитель города и верховный жрец. К счастью, никто не посягнул ступить в фонтан перед священным местом, хотя все его бортики и были заполнены детьми, что успели занять места ещё до начала экстренного собрания.

Торговля в этот день была сведена к минимуму. Большинство приезжих либо уже покинули город, либо заканчивали собирать вещи и вот-вот готовы были отправиться подальше от опасности.

Разномастные жители Дарсиды от мала до велика собрались сейчас в одном месте. Это была отличная возможность для воров и грабителей зачистить опустевшие дома, если бы они сами не решили присоединиться к мероприятию.

Дейан и Шам Аз с семейством стояли возле края площади. Странник их не покинул, несмотря на настойчивые предложения гостеприимного трактирщика. По большей части Дейана заинтересовал тот факт, что практически все жители остались в городе, периодически упоминая какой-то ритуал или праздник.

Сейчас вокруг стоял невообразимый шум. Люди старались обсуждать сложившуюся ситуацию негромко, но их было так много, что в итоге площадь гудела так, как никогда ранее. Такого не происходило ни в один из самых удачных торговых дней.

Когда перед фонтаном на прямоугольную площадку, что являлась большим пролётом лестницы, спустился бледный седовласый мужчина в простой шерстяной накидке поверх жемчужного цвета робы, шум потихоньку начал угасать. Изысканный резной посох в руках старца с загнутым навершием в виде головы чудного зверя не двусмысленно намекал на его высокий статус. Он поднял левую руку, призывая соблюдать тишину, а затем громким голосом, усиленным эхом, отражавшимся от домов вокруг и одной из скалистых стен долины, принялся вещать:

— Истинно верующие жители Дарсиды, в это нелёгкое время мы собрались здесь, чтобы узнать всю правду о приближающейся с юга опасности.

Лёгкий ропот волнами прошёл среди толпы. Дейан поинтересовался у Шам Аза:

— Кто этот старик?

Шам Аз ответил, продолжая смотреть вперёд:

— Керп Фасыл, верховный жрец города. Один из самых влиятельных людей в Дарсиде.

Звуки снова утихли, когда старец в очередной раз поднял руку.

— К сожалению, слухи оказались верны, — теперь его рука взлетела над головой, останавливая преждевременные возгласы. — К нашему родному городу приближается армия Санкри-Борум во главе с их, недавно вступившим на престол, Царём Аравадом.

Толпа снова принялась охать и роптать. Керп Фасыл теперь опустил длань, понимая, что сейчас будет бесполезно пытаться успокоить людей одним лишь жестом.

— А где градоначальник? — снова спросил Дейан.

— Аемах отправился на подмогу владыке Сорону вместе с небольшим войском. Дарсидиане обязаны ему за помощь во время вспышки коронковой лихорадки. Аемах не мог отказать.

— Где тогда его наместник? — не унимался странник.

Шам Аз указал пальцем в сторону храма, туда, где начинались колонны.

— Видишь маленькую фигурку, что выглядывает иногда из-за столба?

Дейан взглядом последовал в указанном направлении и заметил, о чём говорил трактирщик. Его острого зрения хватило даже, чтобы разглядеть совсем ещё юное бледное лицо, что время от времени высывалось из укрытия, оглядывая толпу.

— Это одиннадцатилетний сын Аемаха. Можешь считать его наместником, — дополнил Шам Аз.

Дейан лишь многозначительно нахмурился.

Керп Фасыл в это время оставил попытки успокоить жителей и просто прогремел хрипловатым, но усиленным акустикой площади голосом:

— Но все мы знаем, что уже завтра настанет Фай Сародэр. И ни один из людей юга не осмелится нарушить священную традицию и поднять оружие на другого человека. Пусть армия придёт. Мы проведём все три дня в молитвах Всевышнему, как и положено, а после встретим Аравада и сдадим ему город. Благородный царь не станет трогать жителей в честь священного праздника и во славу Всевышнего.

Шум на площади то стихал, то снова поднимался. Дейан же, продолжая хмуриться, уставился на Шам Аза, что застыл на месте, размышляя над словами жреца.

Суровый взгляд заметила Немира, стоявшая чуть позади мужчин, и поспешила ответить на немой вопрос странника.

— Фай Сародэр — древний обычай, что превратился в праздник. Во время него целых три дня люди молятся Всевышнему, благодаря за все блага, что тот даровал им, и испрашивая благословения на ещё один год. Обычно, в первый день все выходят на улицу и поздравляют друг друга, обмениваясь эмоциями от радостного события, а ближе к вечеру отправляются молиться, соблюдая пост в течение следующих двух дней.

Дейан сменил прежнее выражение. Сейчас он зачарованно наблюдал за девушкой, внимательно слушая её.

— Даже соседние королевства на севере уважают этот праздник и останавливают конфликты с югом на время Фай Сародэр.

Крики и возгласы толпы стали утихать и довольно быстро. Дейан повернулся обратно к храму и увидел в толпе людей полуметровое белое перо, поднятое над головами. Человек, державший его, двигался в сторону фонтана. Было не трудно догадаться, что внезапная тишина была связана именно с этим событием.

Дейан снова повернулся назад, но на этот раз Шам Аз заговорил первым. Так тихо, словно

боялся разбудить уснувшего младенца:

— Это перо Тух — уважаемой и редкой птицы на юге. Тот, кто взял его в руки на таком собрании, собирается сказать что-то крайне важное и приносит клятву говорить только правду.

Человек с пером приблизился к ступенькам. Когда он поднялся наверх, то люди, наконец, смогли разглядеть женщину лет сорока, что теперь держала символ правды перед собой и встала напротив Керпа Фасыла.

Жители ожидали от неё важных слов, и она начала свою речь, собравшись с духом:

— Жители Дарсиды, моё имя — Инэя Азурмат. Я родилась и выросла в этом прекрасном городе. Я изготавливаю чудесные подушки и покрывала...

Керп Фасыл, судя по всему, негромко покашлял, отчего женщина взглянула на него и перешла сразу к делу.

— Мне довелось побывать на коронации нового правителя Санкри-Борум. И я... — женщина немного замялась, но нашла в себе силы продолжить, — Я слышала яркую речь Царя Аравада. Он заявил о том, что собирается отвергнуть старые традиции и привести свой народ к небывалому величию. Он упразднил придворные обычаи и выдворил жрецов из своего дворца.

Инэя замолкла. Толпа повторила за ней. Керп Фасыл какое-то время смотрел на женщину с большим пером, а потом протянул к ней руку, предлагая передать предмет. Лёгкое и белоснежное оперение уже дотронулось его ладони, как вдруг женщина отёрнула перо назад, почти прижав к своей груди.

— Я слышала от людей на улицах столицы, что Царь Аравад откажется от священной традиции празднования Фай Сародэр. Что он назвал его оковами, сдерживающими народы юга на цепи. А саму веру — темницей, в которой мы заперты.

Теперь удержать жителей от громких криков и вздохов было практически невозможно. В массах начала разрастаться паника. И даже Шам Аз принялся переговариваться со своей женой и дочкой. Дейан выждал удачный момент и задал важный вопрос:

— Нельзя послать весточку градоначальнику? Чтобы он вернулся и привёл с собой помощь?

— Даже если это сделали ещё вчера, то Аемах не сможет просто так возвратиться домой, не вернув долг. А если у него и выйдет, то ему понадобится не меньше трёх дней, чтобы добраться до Дарсиды, — ответил Шам Аз.

— Так пусть отправят послание вашему царю.

На это отозвалась Ормейя:

— У Дарсиды нет царя. Мы живём сами по себе. Чуть больше двух сотен лет назад все великие правители юга поклялись перед Всевышним, что никто их низ не посмеет посягнуть на наш город.

Шам Аз поспешил объяснить:

— Дарсида — единственный прямой путь через горы Сарпал. Тот, кто завладеет им, получит огромную власть. Это самый крупный торговый путь, что ведёт на север. Прежние цари знали,

что этот город может стать камнем преткновения и в тоже время кладбищем для тысяч воинов. Поэтому они решили связать себя клятвой и отказаться от посягательств. Они поклялись Всевышнему, что ни один отпрыск из их рода никогда не поднимет свой флаг над Дарсидой.

— Видимо, Аравад решил отказаться от этой клятвы, — вставил Дейан.

Казалось, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля, и толпа, поддавшись панике, начнёт бушевать. Но Керп Фасыл, забравший перо Тух из рук Инэи, поднял символ праведности над головой, тем самым показывая свои намерения. И это подействовало гораздо лучше любого другого жеста или крика.

Тишина вернулась, хоть и не такая звонкая, как во время речи Инэи.

— Царь-богохульник! Такого наша земля ещё не видывала! — прокричал жрец. — Но как бы яро он не старался стереть старые традиции из памяти людей, он не сможет стереть их веру во Всевышнего! Уж сколько лет мы молимся в священный праздник Фай Сародэр о благополучии в следующем году, и каждый раз Он выслушивает нас и одаряет своей добротой, нашёптывая нам через пророков Его наставления на верный путь!

Толпа угасла и заворожённо выслушала верховного жреца, а тот, почуввав собственную силу, не на шутку распалился:

— Всевышний видит Аравада! Он слышит его мерзкие слова. И в нужный час покарает неверующего Царя. Но мы, — Фасыл обвёл посохом всю площадь, — Не убоимся богохульника. Ибо свято верим в то, что наши мольбы не останутся не услышанными. Ибо знаем, что Всевышний никогда не оставит тех, кто нуждается в нём. Ибо помним, что в трудную минуту пророки всегда наполняли наши сердца решимостью и силой. Мы не убоимся невежественного отрока Шадэра.

И эта речь подействовала. Жители Дарсиды одобрительно закивали и принялись поддакивать заявлению жреца. Чуть более двух тысяч людей, собравшихся на огромной площади, принялись восхвалять Всевышнего и его верного слугу в лице Керпа Фасыла. Лишь один человек оставался невозмутим и, немного поразмыслив, прогремел своим тихим, но невероятно внушительным голосом, собрав на себе тысячи пар глаз внимательных слушателей.

— Пять тысяч человек идут по пустыне сюда в Дарсиду. Голодные, жаждущие воды и утех. Они прекрасно знают, в какой день появятся у городских стен. И вы думаете, что, оставшись молиться у себя дома, сможете выпросить у бога их подождать?

Люди стали переглядываться друг с другом, а верховный жрец, уже опустивший перо, громко заметил:

— Что может знать северянин о наших обычаях? наших традициях? Нашей вере?

Семья Шам Аза с удивлением смотрела на Дейана, но тот, не обращая на них внимания, ответил жрецу:

— Я знаю достаточно, чтобы заверить — эта армия идёт не для того, чтобы слушать как вы молитесь. Она идёт, чтобы забрать город в своё владение. И сомневаюсь, что солдаты собираются оставить его богатства нетронутыми, также, как и жителей, которым они принадлежат.

В очередной раз по площади пронеслись волны роптаний, перемешанные с криками и

вздохами. Последнее слово за собой оставил Керп Фасыл.

— Никакая армия не страшна, когда за тобой стоит воля Всевышнего. Мы не откажемся от священного праздника и не покинем город. А богохульного Царя за дерзость постигнет такая кара, что ещё сотни лет из уст в уста будут передавать легенду о его невежестве и неверии.

С этой фразой Керп Фасыл ударил посохом по каменной площадке. Это подразумевало конец собрания, и несколько тысяч человек принялись разбредаться по своим домам, продолжая обсуждать услышанные новости.

Дейан же оставался на месте, злобно глядя на верховного жреца. А тот, в свою очередь, одарив странника суровым прищуром, резко развернулся и отправился в прекрасный белоснежный храм, минуя с дюжину высоких рельефных колон.

Когда семья Сихтов вместе с их помрачневшим гостем вернулась в опустевшую таверну, Дейан был первым, кто решил нарушить молчание.

— Если вы не против, я бы присоединился к вам в путешествии.

Шам Аз и обе женщины несколько мгновений безмолвно смотрели на странника, а затем глава семейства ответил:

— Мы не уйдём, мой северный друг.

— Вы же не купились на речь этого седого безумца?

— Безумец или нет... Мы не можем бросить свой дом. Тем более накануне Фай Сародэр.

Дейан посмотрел на женщин. Взгляд Ормейи был таким же решительным, как и у её супруга. Немира же не смела поднять глаз, смиренно соглашаясь с волей отца.

— Ты ведь понимаешь, что погибнешь в первый же день, когда армия пройдёт через ворота? А твоя жена с дочкой будут служить потехой для солдат? — тихо и жёстко сказал странник.

Ормейа обхватила плечи своей дочери, отчего последняя вздрогнула. Шам Аз же присел на ближайший табурет, вздыхая так, словно собирался поведать упрямому ребёнку о превратностях жизни взрослых людей.

— Всю свою жизнь каждый год мы праздновали Фай Сародэр, восхваляя щедрость Всевышнего и моля его о милости в следующем. Так делал мой отец, и отец моего отца, и даже мой прадед. Ни разу в жизни не было такого, чтобы их мольбы не были услышаны и Всевышний оставил их в беде одних.

Он сделал короткую паузу, а затем посмотрел в сверкающие молниями глаза своего гостя и твёрдо заявил:

— Мы никуда не уйдём. Какой бы страшной и неотвратимой не казалась бы угроза, мы не покинем наш дом.

Дейан ещё раз окинул взглядом всё семейство. Казалось, что молнии в его глазах сейчас вырвутся и начнут разить всех, кто окажется перед ним. Но странник лишь накиннул на голову свой капюшон, скрыв лицо, и вышел из трактира.

Немира метала свой взгляд от отца к двери и всё-таки не выдержала, рванув вдогонку за

странником. Шам Аз лишь неодобрительно покачал головой, а затем встал и, обняв жену, отправился с ней на кухню.

Оказавшись на улице, Немира принялась быстро крутить головой, надеясь углядеть удаляющуюся фигуру в чёрном плаще, но её усилия оказались тщетны. Она пробежала в сторону площади, выискивая Дейана, но и здесь её постигла неудача. Он скрылся, словно тень в ночи, и желавшая попрощаться с ним девушка, едва сдерживая слёзы, побрела обратно в свою родную таверну.

***

Дейан стоял между двух жёлтых башен лицом к огромной пятитысячной армии и в очередной раз справлял нужду, избавляя организм от остатков яда. Закончив утреннюю процедуру, он снова оглядел порезанное плечо. Повязки уже давно были сорваны, и в свете утреннего солнца на слегка подзагоревшей коже виднелись три свежих белых рубца. От них расплзлось несколько тёмных дорожек, похожих на пролитые чернила — единственное подтверждение того, что наконечники стрел были отравлены.

Дейан взглянул на поднимающееся над горизонтом солнце, а затем вернулся назад к своей небрежно раскинутой ночлежке. Ему хотелось ещё хоть чуточку утолить жажду, но кувшины с водой опустели ещё ночью. Выспаться как следует ему не удалось. Немира ушла почти сразу же после их короткого разговора, а он, подкрепившись принесёнными яствами, чуть ли не залпом осушил кувшины и почти каждый час выходил затем к воротам, избавляясь от незабываемого подарка, коим наградил его хашиид вместе с королевским письмом.

В нём не говорилось о том, в какое время состоится поединок, но Дейан не сомневался, что люди на той стороне обязательно оповестят его. Он расправил с несколькими фруктами и двумя большими кусочками хлеба, что послужили ему завтраком, продолжая мечтать об ещё одном сосуде с живительной влагой. Но вскоре он отбросил грёзы в сторону. Возможно, это была его последняя трапеза.

Он присел возле стены башни и прикрыл глаза. Стоило отдохнуть перед сражением. Дейан надеялся, что если ему не суждено будет увидеть следующий рассвет, то хотя бы сможет сделать так, чтобы армия Аравада запомнила вторжение в Дарсиду на всю оставшуюся жизнь.

Сегодняшний поединок будет незабываемым.

***

Аравад стоял возле своего шатра, вглядываясь в тёмную фигуру, что стояла перед воротами. Минуту спустя к нему подошёл Абу Манзи, сверкая капельками пота, скатывающимися по его изувеченной левой стороне лица.

— Мой Царь, мазары собраны и ждут дальнейших указаний, — отчитался старый генерал.

Аравад глянул на солнце, что ещё не скоро будет в зените, а затем приблизился к старику и тихо произнёс:

— Отправляйся к ним и прикажи наложить на пса проклятия. Не смертельные, но неприятные. Он должен быть в состоянии сражаться, но не настолько, чтобы также легко скакать по песку, как и вчера.

Капельки пота, достигшие подбородка генерала, соединились в одну целую, а затем,

оторвавшись от его обожжённой кожи, упали на песок. Абу Манзи застыл после приказа царя. Ему требовалось время, чтобы сложить картину воедино.

Как бы сильно генералу не было скверно в этот момент, он не посмел ослушаться приказа. Не найдя подходящих слов, он лишь медленно кивнул, когда Аравад, отпрянув назад, в ожидании смотрел на него.

Получив подтверждение в виде неуверенного кивка, великий царь снова устремил взор к, казалось бы, уже приветствующим своего нового владыку вратам города. Он заметил, что старый генерал так и не отправился исполнять его волю, поэтому раздражённо спросил:

— Что-то ещё?

— Наших солдат ночью охватила странная хворь. Почти треть воинов подцепила неизвестный грибок и сейчас мучается от воспаления стоп и... — Манзи слегка откашлялся, — Срамных мест.

Аравад озадаченно уставился на генерала:

— Что-то серьёзное?

— Сейчас нет, мой Царь, — поспешил с ответом Манзи, — Но учитывая жару и малые запасы воды, это может обернуться для многих тяжёлым заболеванием.

— Пусть не переживают по этому поводу. Сегодня после поединка мы войдём в город, и они смогут получить заслуженное исцеление.

Манзи ещё раз кивнул, услышав заверение царя. Закончив разговор, он запрыгнул на своего мали и поспешил в сторону от лагеря, где за высокой дюной сейчас скрывалась дюжина мазаров.

Он не забыл также по пути окликнуть своего верного помощника:

— Малов!

— Да, мой генерал! — отозвался мужчина в красном тюрбане, закончивший сворачивать свою маленькую палатку.

— Следуй за мной.

Мужчина тут же вскочил на своего мали и последовал за седым воином.

Когда они добрались до места, то спустились на землю и дождались, пока весь отряд не соберётся вокруг них. Абу Манзи не стал соблюдать военный порядок и выстраивать людей перед собой в шеренгу, решив, что этот приказ царя он передаст без особых церемоний.

— Сегодня в полдень состоится поединок между лучшим воином Дарсиды и Ном Дором Шаахзи, — мазары принялись кивать. Большинство из них успело уловить слух об этом соглашении с посланниками Дарсиды. — Наш Царь приказал вам наложить проклятья на дарсидского избранника, чтобы ослабить его. Не применяйте ничего, что может выдать ваше вмешательство. Используйте слабые болезни и лёгкие чары.

Большинство из собравшихся здесь людей не были достаточно сильны, чтобы серьёзно навредить защитнику Дарсиды. Они лишь владели небольшим набором магических навыков, и

никто из них не мог сравниться с Ном Дором в силе и мастерстве, но это и не требовалось.

Мазары принялись негромко бурчать и перешёптываться. Все, кроме одного. Низкорослый, седовласый, однорукий старик с морщинистым лицом, одетый в грязные серые широкие штаны и лёгкую синюю рубашку, затёртую до такого состояния, что в некоторых местах аж просвечивала, на протяжении всей встречи продолжал смотреть прямо на генерала, сощуриив один глаз.

Абу Манзи уставился на него в ответ, прогремев строгим голосом и обращаясь ко всему отряду:

— Вам что-то не ясно?

Мазары закончили роптать и почти хором ответили:

— Нет, мой Генерал. Будет исполнено.

Абу Манзи ждал ответа старичка, который до сих пор не шевельнулся и не издал ни звука.

Малов поспешил объяснить:

— Мой генерал, это шаман из племени Вугулов. Я думаю, он не говорит на всеобщем.

Манзи шумно выдохнул.

— Объясни ему на пальцах, что от него требуется, — генерал повернулся к остальным мазарам.

— Можете начинать за час до полудня. И смотрите не переусердствуйте.

Толпа положительно откликнулась в унисон, а затем чародеи разбрелись, подготавливаясь к ритуалам. Малов же тем временем жестами пытался показать старому шаману, какой приказ передал их владыка. Только спустя пятнадцать минут старик с понимаем кивнул, подняв левую культю и принимая указание. Затем он отправился к своему мешку, вытащив из него маленький коврик. Он снял свои потёртые башмаки и, усевшись на ковёр по-турецки, уставился в сторону врат.

***

За час до полудня мазары принялись исполнять свои ритуалы, насылая проклятья на единственного воина, что вышел защищать обречённый город. Абу Манзи стоял позади отряда вместе с Маловом, наблюдая за ходом исполнения приказа.

Уже через минуту крайний левый чародей истошно закричал, хватаясь за лицо. Манзи ринулся к мазару, прижав свою ладонь ко рту мужчины в белых одеяниях, а второй рукой удерживая его возле затылка. Он наблюдал как кожа на голове мазара стала покрываться волдырями, но так и не убрал руку, скривив губы и брови от отвращения, пока не почувствовал, что бедолага перестал кричать. Он убрал ладонь, и мужчина, лишившись опоры, рухнул на песок, хрипло хватая ртом воздух.

Сразу после этого бездыханным свалился ещё один маг. Он застыл словно каменное изваяние, а в его глазах виднелась сплошная белизна, лишённая зрачков и радужки. Вскоре почти весь отряд принялся корчиться в муках от самых разных болезней и наваждений. Целыми остались только двое: парень в лиловом балахоне и таком же тюрбане и старый вугул с отсутствующей ниже локтя левой рукой.

Парень в тюрбане залепетал, когда Малов с генералом приблизились к нему:

— Мой генерал, я - прорицатель. Я не знаю ни одного проклятья.

Абу Манзи с недовольным видом уставился на парнишку, а потом кивнул в сторону выживших мазаров, изнывающих от боли.

— Так что ж ты этого не предсказал?

Предсказатель с ужасом глядел на своих товарищей, а потом повернулся к Манзи, умоляюще глядя мокрыми глазами.

— Я... Я...

Генерал отмахнулся и подошёл к старому вугулу, что смотрел теперь не в сторону врат, а прямо на седого воина. Шаман принялся что-то быстро объяснять, жестикулируя рукой и культёй.

— Малов?

Помощник генерала лишь развёл руками.

— Тогда приведи того, кто знает язык вугулов, да поживее.

— Есть, мой генерал.

Мужчина вскочил на своего мали и понёсся в сторону основного лагеря, а Абу Манзи повернулся к незадачливому прорицателю.

— Обработай раны выживших и подготовь погибших к сожжению. С этим-то ты хоть справишься?

Молодой мазар быстро закивал.

— Так чего ты ждёшь?! — недовольно рявкнул Манзи.

***

Аравад сидел на своей кровати, подставив руки под голову и уложив подбородок на сжатые кулаки. Он был напряжён, и не только потому что с трудом мог сдержать эмоции перед вторжением в город, но и по той причине, что проклятый Ном Дор запросил чересчур щедрый подарок. Победа колдуна принесёт бед не меньше, чем его поражение. Цена за услугу этого дьявола была слишком высока.

Царь старался не думать о самом худшем сценарии, поэтому резво вскочил на ноги и вышел из шатра, решив оглядеть своё войско и уловить настрой людей. Когда он выбрался наружу, то его внимание тут же привлёк всадник, что медленно двигался вместе с одним из пеших солдат в сторону от лагеря. Туда, где было приказано встать небольшому отряду мазаров.

Великий царь нахмурился и подошёл к одному из своих стражей. Он наклонился поближе к молодому охраннику и прошептал:

— Отыщи Мудхеза. И передай ему мои слова точь-в-точь.

Молодой страж внимательно выслушал приказ и никак не выразил своего отношения к нему. Он отдал свой посох другому телохранителю, а сам, укутавшись в простую серую накидку, отправился внутрь лагеря к месту, где скрывался предводитель хашиидов.

***

Малов привёл с собой темнокожего солдата в серебристом шлеме и с короткой курчавой бородой. Тот сразу двинулся к вугулу и принялся выслушивать бурчание шамана.

Старик же в процессе схватил один из своих дырявых башмаков и принялся бить им по руке солдата. Спустя минуту переводчик поведаль своему генералу:

— Старый шаман сказал, что не будет насылать на того воина проклятье. Он сказал, что внутри того живёт древний демон, и любая тёмная магия вернётся обратно к нему, если он попытается демону навредить.

Вугул не унимался и продолжал свою речь, тыча башмаком в страдающих на песке мазаров, а потом вознеся обувь к небу.

— Он говорит, что демон вернёт проклятье десятикратно и наложит его не только на самого шамана, но и на его семью, и весь род.

Абу Манзи выслушал переводчика, а затем вытащил свой меч из ножен и поднёс его острие к шее старого вугула.

— Передай ему, что неповиновение приказу означает измену. А измена в военное время карается смертью, — твёрдо произнёс Абу Манзи.

Взгляды двух старых мужчин пересеклись, и никто из них даже не моргнул, пока солдат переводил слова генерала.

Послышался ответ. И через какое-то время солдат проговорил, стараясь сохранить интонацию:

— Он сказал, что готов принять смерть. Пожертвовать собой ради спасения своей семьи и своего племени — честь, пусть даже из-за того, что он ослушался подлого приказа.

Солдат поглядел сначала на генерала, а затем на его помощника. До него, наконец, дошло, что все эти люди здесь делали, и он с удивлением и непониманием на лице искал сейчас ответа.

Седовласые воины продолжали смотреть друг другу в глаза, пока Манзи не убрал оружие с шеи вугула.

— Малов, — подозвал Манзи, поглядывая на солнце, — Останешься здесь и проследишь, чтобы никто не покинул укрытия. Я вернусь после поединка.

— Слушаюсь, мой генерал.

Манзи ещё раз одарил старика пронзительным взглядом, а затем забрался на своего мали. Он уже хотел было тронуться, как вдруг шаман проронил ещё одну фразу:

— Мамуай буза пере иф ту Ашгар.

Генералу даже не потребовался перевод. Он узнал последнее слово и тут же поскакал к королевскому шатру.

Аравад в окружении трёх своих стражей стоял перед армией, ожидая прибытия своего лучшего воина. Он был облачён в доспехи и был полностью готов выдвинуть свои войска сразу после окончания боя.

Манзи прискакал прямо к нему и, спрыгнув с мали, принялся вещать:

— Мой Царь, кажется, я знаю, кто обороняет врата Дарсиды.

Аравад недовольно повернулся к нему, фыркнув.

— И кто же?

— Я считаю, что это легендарный мессари с севера, что участвовал в обороне Кайведуна.

— Нашествии из другого мира? Очередные байки, Абу. Ты, случаем, не подцепил чего вместе с солдатами?

— Мой Царь, Аравад, — Манзи приблизился к владыке, чтобы его слова стали слышны только им двоим, — Верите вы или нет в то, что произошло в тех землях — не важно. Но слава об этом наёмнике разошлась далеко за пределы северных королевств. Если это он, то Ном Дору придётся выложить все свои козыри, чтобы справиться с этим воином.

Солдаты позади царя расступились, и на передовую вышел названный мазар, зевая и наигранно разминая руки с шеей.

— А вот и он, — объявил Аравад. — Мой храбрый Ном Дор, готов ли ты сразиться сегодня с легендарным и непобедимым... — царь затих, уставившись на своего генерала.

— Ашгаром, — закончил за него Манзи.

Ном Дор весело хихикнул, сузив глаза так, что их почти нельзя было увидеть.

— Надо же, этот бой действительно станет легендарным. Как жаль, что из моей башни будет видна только Дарсида, а не ещё один какой город.

С этими словами он хитро посмотрел на Аравада, а затем вышел вперёд.

Великий царь сжал кулак, а потом поднял его над головой, сигнализируя о том, что их воин готов вступить в бой.

<http://tl.rulate.ru/book/70118/1876150>